

ному владѣльцу народу, — тогда каждый будетъ получать свою долю, мануфактура и производство будутъ свободно вырабатывать все необходимое, и общественная жизнь потечетъ съ новой энергіей по новому руслу. Мы должны захватить сады и поля, дающіе намъ сѣстные припасы; амбары и магазины, въ которыхъ хранятся всѣ продукты труда; мастерскія и заводы, доставляющіе намъ матеріи, металлы, предметы первой необходимости и предметы роскоши; средства защиты, желѣзныя дороги и другіе пути сообщенія, позволяющіе намъ обмѣниваться продуктами съ сосѣдними свободными коммунами; мы должны организовать для самозащиты, — иначе мы обречены на вѣрную гибель, подобно рыбѣ, которая безъ воды задохнется въ морѣ воздуха, окружающемъ ее.

Вспомнимъ грандіозную стачку желѣзнодорожныхъ машинистовъ, вспыхнувшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Америкѣ. Почти все общество признавало справедливость ихъ требованій; всѣмъ надоѣла наглость желѣзнодорожныхъ компаній, и публика торжествовала, что служащіе раздѣляются съ ними какъ слѣдуетъ. Но когда пути сообщенія и локомотивы перешли въ руки рабочихъ, когда желѣзнодорожное сообщеніе было прервано, цѣны на сѣстные припасы и другіе товары удвоились, общественное мнѣніе моментально перемѣнило фронтъ. „Мы предпочитаемъ гнѣть желѣзнодорожныхъ компаній, обворовывающихъ насъ, самоуправству этихъ мерзавцевъ-стачечниковъ, благодаря которымъ мы, пожалуй, скоро умремъ съ голода!» Мы должны помнить это! Инстинкты справедливости толпы, должны быть удовлетворены такъ же, какъ и всѣ ея требованія и нужды.

Недостаточно признавать этотъ принципъ въ теоріи, надо проводить его въ жизни.

Намъ часто говорятъ: „Попробуйте коснуться клочка земли крестьянина, домишка рабочаго, и вы увидите, что они васъ встрѣтятъ съ поднятыми кулаками и съ вилами въ рукахъ!» Прекрасно! Но вѣдь мы уже говорили, что мы не коснемся ни клочка земли крестьянина, ни домишка рабочаго; мы не тронемъ нашихъ лучшихъ друзей, которые, сами того не сознавая, скоро станутъ нашими союзниками. Экспропріація будетъ, конечно, произведена въ ихъ пользу. Мы знаемъ, что существуетъ средній уровень дохода, ниже котораго умираютъ съ голода, выше котораго пользуются нѣкоторымъ излишкомъ. Въ каждомъ городѣ, въ каждой странѣ, этотъ средній уровень различенъ; народный инстинктъ не ошибается; безъ статистическихъ таблицъ, безъ толстыхъ томовъ съ точными данными, народъ сумѣетъ захватить все принадлежащее ему. Въ нашемъ обществѣ незначительное меньшинство завладѣло лучшей частью народнаго достоянія, построило себѣ дворцы, внесло въ банки на свое имя деньги, билеты, всевозможныя цѣнныя бумаги, эти плоды труда всего общества. Все это мы должны забрать въ свои руки, и тогда мы сразу освободимъ несчастнаго крестьянина, умирающаго съ голода на своемъ заложенномъ клочкѣ земли, мелкаго торговца, живущаго въ вѣчномъ страхѣ при мысли о всевозможныхъ стѣсненіяхъ и неизбѣжномъ разореніи, и весь голодный, угнетенный народъ. Въ день экспропріаціи народъ долженъ понять, что отъ него самого зависитъ, остаться-ли свободнымъ или снова впасть въ нищету и вѣчную тревогу. Неужели онъ съ прежней наивностью опять выберетъ временное правительство изъ краснобаевъ и ловкачей? Не будетъ-ли онъ тогда раскаиваться, что замѣнилъ старыхъ правителей новыми? Пусть народъ самъ возьмется за свои дѣла, если онъ хочетъ добиться чего-нибудь; пусть онъ ихъ поручитъ своимъ делегатамъ, если ему нравятся быть обманутымъ!

Одного разсудочнаго пониманія мало. Народъ сознаетъ, конечно, что въ его интересахъ жить безъ постоянной тревоги о завтрашнемъ днѣ, не подчиняясь правителямъ; — но этого недостаточно: необходимо, чтобъ измѣнился взглядъ на собственность и соотвѣтствующіе ей принципы нравственности. Надо понять, что всѣ продукты, сбереженія и орудія производства являются плодомъ солидарнаго труда всего народа и принадлежать одному собственнику — всему человечеству. Надо понять, что частная собственность есть сознательное или безсознательное воровство, присвоеніе общественнаго достоянія, и съ радостью отдать все въ общее пользованіе въ день экспропріаціи. Во время прошлыхъ революцій, когда надо было замѣнить короля старшей линіи королемъ младшей, или въ „лучшей изъ республикъ» поставить однихъ адвокатовъ вмѣсто другихъ, — частная собственность оставалась неприкосновенной и соціальныя режимы не подвергались никакимъ измѣненіямъ. И потому объявленія: „Смерть ворама!», которыя вывѣшивали у входа во дворцы, вполне гармонизировали съ господствующей моралью; и если какой-нибудь бѣднякъ рѣшался украсть червонецъ или кусокъ хлѣба, его разстрѣливали въ назиданіе народу.

Достойный представитель національной гвардіи, воплощавшій въ себѣ всю гнусность и торже-